

SYREN NIX

ТЁМНОЕ
ПЛАМЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Siren Nux

Темное пламя

«Автор»

2026

Nyx S.

Темное пламя / S. Nyx — «Автор», 2026

Один месяц в его темной цитадели в обмен на спасение родителей. Тридцать дней, когда Блум не имеет права послушаться злейшего врага. Его просторная черная рубашка на ее голом теле. Его тяжелые, ледяные пальцы на шее, умиряющие бешеный, рваный пульс. Их смертельная вражда медленно плавится в лихорадочном полумраке его спальни, превращаясь в одержимость. Она обязана подчиняться любому его приказу. Но чем отчаяннее Блум сопротивляется его власти, тем быстрее трещит по швам ледяная броня самого Валтора. Но что случится, когда тридцать дней подойдут к концу, а долгожданная свобода покажется ей страшнее, чем сладкий плен в его руках? И кто из них выживет, когда грань между ненавистью и покорностью сотрется окончательно?

© Nyx S., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	37
Глав	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Siren Нух

Темное пламя

Глава 1

Кожа почувствовала чужой холод раньше, чем я успела открыть глаза и вспомнить, где нахожусь. Не алфейский — тот бывал влажным по утрам, с запахом свежей травы и тем цветочным воздухом, который Флора называла живым. Этот сидел глубоко в камне, накопившийся за столетия и переставший быть просто температурой — он был состоянием самого места.

Вчерашний вечер возвращался медленно, кусками, как всегда бывает после ночи без сна.

Ванесса... Майк... Стены сообщили об этом, когда я только открыла глаза: на рассвете, пока я спала, Валтор открыл решётку и вывел их за портал домой молча, не дожидаясь просьб. Первая мысль была облегчением, но вторая далась тяжелее. Рычага больше нет. Они в безопасности, а я здесь на месяц, и единственное, что меня удерживает — моё собственное слово, данное человеку, *которого я ненавижу* так глубоко и так хорошо, что ненависть эта стала привычной, как дыхание. Я пришла сама среди ночи, не сказав ни слова Стелле, Флоре или Скаю, потому что объяснить это не вышло бы ни у кого, включая меня.

Простыня под пальцами пахла острым озоном и жжённой медью, запахом чужого логова, впитавшимся в ткань. Мой почти сонный огонь под рёбрами едва заметно дрогнул в ответ на враждебную энергетику этого места, как дрогнет пламя свечи от сквозняка, которого ещё не слышишь.

Поднявшись с постели, я остановилась: ноги ощутили холод каменного пола, хотя обуви я не снимала. Комната оказалась огромной и пустой — голые тёмные поверхности без единого украшения, узкий проём окна, режущий серый рассвет настолько скуп, что свет казался случайным гостем. У одной стены стоял тяжёлый деревянный стол и стул, у противоположной — зеркало в почерневшей раме, отражавшее растрёпанные рыжие волосы и синяки под глазами.

Дышать было трудно, и дело было не в воздухе. Замок давил со всех сторон, как что-то живое, знающее о моём присутствии и не одобряющее его — тяжесть в лёгких, давление на виски, ощущение чужого пространства, которое тебя не приняло и не примет.

Двор за окном расстился из серого камня, сжатый высокими укреплениями без единой калитки. За ними начинался лес — плотный и тёмный, без дороги и просвета, без ничего, что указывало бы на существование мира за его границей. Никаких ворот, через которые я вчера вошла. Только камень, лес и небо цвета застывшего пепла — и где-то за этим лесом Ванесса с Майком вернулись домой, не зная, что я осталась здесь одна.

Живот сжался, стиснул рёбра изнутри — тридцать дней рядом с ним. Огонь под рёбрами толкнулся ему навстречу знакомым злым жаром, который я держала в узде уже несколько часов и намеревалась держать ещё долго.

Развернувшись к двери, я почувствовала, как воздух в комнате стал направленнее — будто кто-то сгущал его с той стороны намеренно. Ладонь легла на металл ручки, и кожу прострелило мурашками, слишком острыми для обычного утра. Пламя напряглось под запястьями в предчувствии чужого присутствия — и я толкнула дверь.

Коридор был пуст, факелы в железных держателях горели низко и почти без света, пламя едва шевелилось в неподвижном воздухе, а каменный пол уходил в обе стороны в темноту без конца. Его магия никуда не делась — шла сзади, как дыхание в затылок, как присутствие, не нуждающееся в теле.

— Завтрак в западном крыле, — сказал он у меня за спиной.

Я обернулась — огонь вспыхнул под запястьями и замер, сдержанный усилием, которое я уже тренировала всю ночь.

Он стоял у стены напротив там, где секунду назад не было никого, — высокий, в тёмном, с лицом, спокойным так, как бывает спокоен камень, которому нет дела до того, что на него смотрят. Серые глаза с фиолетовым отливом в глубине, появившимся и исчезнувшим, как уголёк под пеплом. Он смотрел на меня так, будто уже знал каждый мой следующий шаг, и это бесило сильнее всего остального.

Пошла следом по коридору, держась в трёх шагах позади. Западное крыло оказалось таким же промёрзшим, как всё остальное, — тот же давящий камень, те же факелы, горящие ровно настолько, чтобы не было полной темноты. Длинный стол с двумя приборами на противоположных концах, расставленными так, чтобы расстояние между ними нельзя было не заметить. На столе стояла глиняная кружка с горячим, лежал хлеб и сыр — всё без попытки сделать это похожим на что-то большее, чем кормёжка.

Опустилась на стул. Он остался у окна спиной ко мне, и молчание тянулось достаточно долго, чтобы в ушах начало звенеть.

— Три правила, — сказал он наконец, не оборачиваясь. — За пределы замка не выходишь. Магию без моего разрешения не используешь. В мои дела не лезешь.

Кружка опустилась на стол громче, чем я планировала.

— У меня тоже есть условие.

— Нет.

— Ты даже не дослушал.

— Нет, — повторил он с той же интонацией, с какой говорят о чём-то решённом неделю назад.

Скулы свело. Огонь под запястьями дёрнулся — горячий, злой, требующий выхода — и я снова загнала его вглубь.

— Три правила, — сказал он, отходя от окна. — Нарушишь одно — месяц превратится в два.

Он вышел из комнаты, не оглянувшись, оставив после себя только холод в воздухе и два прибора на разных концах стола.

Я смотрела в дверной проём и держала кружку в ладонях, пока шаги в коридоре не стихли окончательно.

Потом в дверях появились трое.

Они вошли не вместе — одна за другой, как будто каждая привыкла занимать пространство в одиночку. Их магия ударила раньше, чем я успела разглядеть лица: три разных холода, острых и изучающих. Все трое смотрели молча, и в этих взглядах не было ни приветствия, ни любопытства — только оценка, быстрая и неприятная, как инвентаризация чужого имущества.

Средняя из них улыбнулась.

Глава 2

Дарси улыбнулась первой, и улыбка эта не добралась до глаз — осталась на губах, холодная и хищная, как у того, кто уже видел тебя сломанной и готов увидеть снова.

— Рыжая сучка, — сказала Сторми, и в голосе не было удивления, только презрение, знакомое и отточенное годами. — Ты правда думала, что мы тебя здесь не найдём?

Огонь под рёбрами взорвался мгновенно, толкнулся в запястья злым жаром, требуя выхода, и я стиснула пальцы на кружке так сильно, что глина треснула под ладонями.

Дарси, Айси, Сторми. Трикс. Те самые ведьмы, которые разрушили Облачную Башню, пытались убить меня трижды — и теперь стоят в дверях замка Валтора, как будто это их дом, а я просто оказалась здесь по ошибке.

— Что вы здесь делаете, — сказала я сквозь зубы, и голос вышел глухим от ярости, которую я еле держала.

— Мы? — Дарси шагнула внутрь первой, и её магия ударила липкой волной, тёмной и знакомой, той самой, что проникала в голову и выворачивала мысли наизнанку. — Мы *живём* здесь, Блум. Это *наш* дом. Вопрос не в том, что мы здесь делаем. Вопрос в том, что *ты* здесь делаешь.

Айси вошла следом — высокая, холодная, с волосами цвета льда и взглядом, от которого сводило зубы на расстоянии. Она смотрела на меня так, будто оценивала, сколько времени понадобится, чтобы заморозить меня до костей, и решала, стоит ли тратить усилия.

— Он привёл тебя сюда, — сказала Айси ровным, ледяным голосом, в котором не было ни капли сомнения. — Валтор не держит здесь людей просто так. Ты либо что-то должна ему, либо он хочет что-то от тебя. Что именно?

— Не твоё дело, — ответила я, вставая медленно. Огонь под запястьями рвался наружу, золотом толкался в кожу, и я держала его последним усилием, потому что три правила ещё звенели в ушах.

Сторми рассмеялась — коротко, без капли веселья.

— Не наше дело? — Она шагнула вперёд резко, сократив расстояние до метра, и её магия ударила электрическим разрядом, острым и агрессивным. — Всё, что касается *Валтора*, — наше дело, рыжая. Он *наш*. Этот замок — *наш*. И если ты думаешь, что можешь прийти сюда и занять место рядом с ним, ты ошибаешься.

В последних словах прозвучало что-то горячее под холодом, ревнивое и собственническое, и я поняла мгновенно — они не просто живут здесь. Они считают его своим. Все трое. И моё присутствие для них — угроза, которую нужно устранить.

— Я здесь не по своей воле, — сказала я, и голос дрогнул, несмотря на все усилия его контролировать.

— И это должно нас успокоить? — Дарси наклонила голову набок, улыбаясь той же холодной улыбкой. — Ты здесь. В *его* замке. Под *его* крышей. Спишь в комнате, где до тебя никто не спал. Ешь за столом, где он ест. Мы видели, как он смотрел на тебя вчера. Не так, как смотрит на добычу. Не так, как смотрит на врага. Иначе.

— Вы ничего не видели, — выдохнула я, и огонь под рёбрами толкнулся так сильно, что я едва удержала его.

— Мы видели достаточно, — сказала Айси, и в её голосе прозвучало что-то окончательное, как приговор. — Ты феечка. Винкс. Та самая, что сражалась с нами три года подряд. Та, что думает, что может спасти всех. А теперь ты здесь. В замке самого опасного мага измерения. Думаешь, это совпадение?

— Я не знаю, что он хочет, — сказала я, и это была правда, горькая и тяжёлая.

— Тогда узнай быстро, — Сторми усмехнулась, шагнув ещё ближе, и расстояние между нами стало критическим — полметра, слишком близко, слишком агрессивно. — Потому что мы не собираемся делить его ни с кем. Особенно с тобой.

Огонь под запястьями вспыхнул сам, золотом поднялся до локтей, и я не успела его сдержать — рефлекс сработал раньше, чем мозг.

Сторми отступила на шаг, но в её глазах загорелось торжество, злое и довольное.

— Магию используешь? — Она рассмеялась. — Он сказал без разрешения нельзя. Ты только что нарушила, рыжая. Интересно, что он скажет на это.

Пламя погасло мгновенно, но поздно — они видели, все трое, и в их взглядах читалось удовлетворение, как у охотников, загнавших добычу в ловушку.

Дарси развернулась первой, двинувшись к двери, и две другие последовали за ней — медленно, давая мне понять, что уходят не потому, что закончили, а потому что получили то, за чем пришли. У порога Айси остановилась и обернулась, и в её взгляде был лёд, чистый и режущий.

— Не лезь в северное крыло, — сказала она тихо. — Там его кабинет. Туда входим только мы. Если зайдёшь без приглашения — он не простит. А мы не забудем.

Дверь закрылась за ними почти без звука, и я осталась одна в огромной промёрзшей комнате с треснувшей кружкой в руках.

Огонь под рёбрами всё ещё рвался наружу, толкался в запястья, требовал сжечь всё, что только что произошло, но я загнала его вглубь усилием, от которого свело челюсть.

Трикс. В замке Валтора. Живут здесь. Считают его своим. Все трое влюблены в него — это читалось в каждом слове, в каждом взгляде, в той ревности, что звенела между строк. Месяц под одной крышей с теми, кто хочет меня мёртвой с первого дня в Алфее.

Я поставила треснувшую кружку на стол и вышла в коридор.

Если я здесь на тридцать дней, нужно понять хотя бы одно: где в этом замке можно дышать без ощущения, что каждая стена ждёт, когда ты сломаешься.

Коридор тянулся в обе стороны одинаково — серый камень, факелы, холод, въевшийся так глубоко, что казался живым. Я пошла направо, потому что налево вела лестница вниз, а вниз — это капитуляция, и я не собиралась сдаваться в первый же день.

Шаги отдавались эхом, искажённым и чужим, будто замок слушал и запоминал. Огонь под рёбрами затих, но не спал — прислушивался к магии, пропитавшей стены, древней и холодной, старше любой ненависти.

Первая дверь слева — закрыта. Справа — тоже. Третья поддалась без усилия, открываясь в пустую комнату с окном, узким и тёмным. Никакой мебели, только пыль и холодный сквозняк.

Четвёртая дверь вела в библиотеку.

Остановилась на пороге, и огонь под рёбрами дёрнулся от неожиданности — в ледяном мёртвом замке вдруг обнаружилось что-то живое. Стеллажи до потолка, книги в кожаных переплётах, стол у окна с чернильницей и пером, оставленными так, будто кто-то только что вышел. Воздух здесь был теплее — не горячий, но не мёртвый, пахло старой бумагой, чернилами и чем-то древним, знакомым на уровне инстинкта.

Шагнула внутрь, и дверь за спиной закрылась сама — мягко, как будто кто-то придержал. — Нашла, — сказал он сзади.

Огонь взорвался под запястьями мгновенно, золотом вспыхнул до локтей, и я обернулась, не успев его остановить.

Валтор стоял у окна там, где его не было секунду назад, с книгой в руках, которую откладывал на стол медленно, не торопясь. Посмотрел на пламя на моих руках, потом на моё лицо, и в его взгляде не было ни удивления, ни гнева — только фиксация, холодная и точная, как у того, кто ведёт счёт.

— Магию без разрешения, — сказал он тихо. — Второй раз за час.

Огонь погас мгновенно, и холод ударил в запястья так резко, что я поморщилась.

— Ты появился из ниоткуда, — сказала я, и голос сорвался на последнем слове. — Это рефлекс.

— Рефлекс, — повторил он, как будто взвешивал, достаточно ли это оправдание. — Твой рефлекс — моя проблема только если я позволю ему стать проблемой. Ты не контролируешь — ты нарушаешь. Дважды за час. Один раз с Трикс. Один раз со мной.

Он знал. Конечно, он знал — в этом замке он знал всё.

— Сторми специально, — выдохнула я. — Она подошла слишком близко.

— Сторми делает то, что делает всегда, — сказал он, шагнув ближе. Расстояние сократилось до двух метров, и огонь под рёбрами рванулся навстречу, несмотря на все попытки его удержать. — Провоцирует. Проверяет. Ломает тех, кто не умеет держать удар. Ты не обязана реагировать. Но если реагируешь — это твой выбор, не её.

— Месяц становится двумя?

— Нет, — сказал он, останавливаясь. — Первый раз — предупреждение. Второй — тоже предупреждение, потому что ты ещё не научилась, как здесь живут. Третий раз — два месяца. Четвёртый — я решаю сам, сколько.

Он развернулся к столу, взял книгу обратно, открыл на той же странице, и разговор закончился так же внезапно, как начался.

Я стояла посреди библиотеки и смотрела на его спину, и огонь под рёбрами больше не рвался — замер в ожидании, тяжёлом и напряжённом, как перед грозой.

— Трикс сказали, что они живут здесь, — сказала я, потому что молчать было невыносимее, чем говорить.

— Живут.

— Они твои союзницы?

— Да.

— Они думают, что ты их.

Он поднял взгляд медленно, и в этом взгляде было что-то, что заставило огонь под рёбрами замереть окончательно.

— Они думают многое, — сказал он. — Это не делает их мысли правдой.

— Они ненавидят меня.

— Да.

— И ты привёл меня сюда, зная это.

— Да.

Он снова вернулся к книге, и в его позе, в том, как он держал страницу, читалось безразличие, абсолютное и холодное, как лёд на дне колодца.

Я развернулась к двери, но рука легла на ручку и замерла.

— Почему библиотека тёплая, — спросила я, не оборачиваясь.

— Потому что книги горят, — ответил он тихо, и в голосе не было насмешки, только констатация факта.

Дверь открылась подо мной, и я вышла в холодный коридор, где эхо шагов возвращалось искажённым, где каждая стена знала, что я здесь лишняя.

Тридцать дней.

Два нарушения за час.

Трикс, которые хотят меня мёртвой.

И Валтор, который привёл меня сюда, зная всё это, и читает книгу в двух метрах, как будто ничего из этого не имеет значения.

Глава 3

В библиотеку вернулась после обеда, когда убедилась, что магия Трикс больше не давит в затылок из каждого угла.

Дверь открылась без звука, и воздух внутри встретил теплом — живым, непохожим на всё остальное в этом замке. Огонь под рёбрами дрогнул ему навстречу, расслабился чуть больше, чем я собиралась позволить, и пришлось остановиться на пороге, давая себе секунду.

Шкафы уходили под потолок — выше, чем в остальных комнатах, будто это место строили с расчётом, что места должно хватить навсегда. Корешки в кожаных переплётах плотно стояли один к одному: тёмно-синие, бордовые, чёрные, рыжеватые от времени. Ни одной надписи, которую я могла бы прочитать, — языки чужие, алфавиты незнакомые, письмена, похожие на магические руны, но совсем другие.

Прошла вдоль первого шкафа, не трогая ничего. Просто смотрела.

На нижней полке у окна стояли книги меньшего формата — без надписей на корешках, и одна из них оказалась чуть выдвинута вперёд, как будто её недавно вынимали и поставили не до конца. Огонь под рёбрами дёрнулся, и я прислушалась к нему, потому что за годы в Алфее научилась: он редко реагировал без причины.

Потянулась к ней, вынула из ряда.

Обложка была тёплой — не температурой комнаты, а собственным теплом, исходящим изнутри, будто в переплёте что-то жило. Тиснение на коже оказалось золотым — тонкий рисунок, похожий одновременно на дракона и на пламя, и при свете факела оно отливало розовым, тем самым оттенком, который я знала с детства, потому что именно таким был мой огонь в самом начале, до того как стал ярче.

Пальцы обожгло. Это было как прикосновение к тёплому металлу в летний день, острое и приятное одновременно. Огонь под рёбрами поднялся выше, потянулся к обложке под кожей запястий, и руки сжимали её крепче, хотя я этого не просила.

Страница открылась сама.

Текст был написан от руки, мелко и плотно, неизвестными символами — прочитывать ни слова. Но почти на всю страницу был рисунок: маленький и точный, выполненный той же золотой краской, что тиснение на обложке. Два пламени рядом — тёмное с фиолетовым краем и светлое, почти белое в сердцевине. Они не сливались и не гасили друг друга. Просто горели, и между ними поднимался пар — там, где жар встречал жар.

Смысла в этом рисунке я не понимала, но огонь под рёбрами понимал — тянулся к нему так настойчиво, что пальцы начали подрагивать от усилия удержать его на месте.

День прошёл незаметно. Листала то, чего не могла читать, рассматривала рисунки, которые понимала слишком хорошо, сидела на полу у нижней полки с тяжёлым томом на коленях, пока факелы не разгорелись ярче сами собой, отвечая на темноту за окном.

Его магия появилась раньше, чем он вошёл, — холодная, фиолетовая, давящая на виски. Огонь под рёбрами напрягся, сжался, встал на взводе.

Валтор остановился в двух шагах и посмотрел на обложку в моих руках. Что-то в его лице изменилось — на долю секунды, быстро и почти незаметно, но я сидела достаточно близко, чтобы увидеть: что-то острое, похожее на то, что бывает, когда обнаруживаешь чужие руки там, где ожидал пустоту.

— Положи, — сказал он.

Не приказом. Тихо — именно так говорят о вещах, которые не обсуждают.

— Что это? — спросила я, не двигаясь.

— Положи.

— Я не могу прочесть ни слова. Просто смотрела на рисунки.

— Я знаю, что ты делала, — сказал он, и в голосе было что-то, от чего огонь под рёбрами замер. — Положи на полку.

Пальцы разжались медленно, будто том не хотел их отпускать, а не я его. Обложка оказалась на полке, но тепло на ладонях осталось — отпечаток чужого жара, который не торопился уходить.

Валтор не двинулся с места, пока я не убрала руки.

— Это правило, которого не было в списке, — сказал он. — Теперь есть. Эту полку не трогаешь.

— Почему?

Молчание тянулось достаточно долго, чтобы понять — ответа не будет.

Он наклонился и взял том сам, привычным движением человека, делавшего это много раз. Повернул его так, что тиснение оказалось к свету, и посмотрел на рисунок — потом убрал под мышку и выпрямился.

— Ужин в западном крыле, — сказал он, направившись к двери. — Через час.

— Подожди.

Он остановился, спиной ко мне.

— Рисунок на первой странице, — сказала я, и голос вышел тише, чем я хотела. — Тёмное пламя сплетается со светлым. Что это значит?

Пауза между нами была плотной, как стена.

— Через час, — повторил он и вышел, унося том с собой.

Дверь закрылась за ним мягко, и библиотека стала тише, чем до его прихода, — тишиной, в которой что-то осталось висеть в воздухе незаконченным.

Огонь под рёбрами не успокоился. Тянулся к тому месту на полке, к отпечатку тепла на ладонях, к рисунку, который я видела несколько минут и который теперь стоял перед глазами с такой отчётливостью, будто смотрела на него часами.

Поднялась, отряхнула одежду и вышла в коридор, потому что сидеть в пустой библиотеке с этой мыслью было хуже, чем идти на ужин, где снова окажется он и снова окажется молчание.

На полке у окна осталась пустота — ровный квадрат пыли там, где стоял том.

И единственное, о чём я думала, пока шла по коридору: он унёс том сам, не объяснив. Правила не было. Значит, причина не в нарушении — она в рисунке, который он не хотел, чтобы я видела дольше нескольких минут.

Глава 4

Книгу я вытянула с нижней полки почти наугад, когда пальцы устали от бесконечного перебора незнакомых корешков. Тонкий переплёт из потрескавшейся кожи хранил в себе чужой холод и влагу замковых стен, но стоило мне опуститься на пыльный каменный пол, прислонившись спиной к массивному дубовому стеллажу, как огонь под рёбрами неожиданно притих. Здесь, среди бесконечных рядов фолиантов, его магия расслабляла свои тиски, находя странное, извращённое сходство с собственными ритмами. Я перелистывала страницы, не в силах разобрать ни единого слова чужого алфавита, и цеплялась за иллюстрации — грубые схемы магических потоков, анатомические разрезы заклинаний и сложные графические орбиты.

Его присутствие ощутилось задолго до того, как скрипнула тяжёлая дверь. Фиолетовая волна холода прокаталась по каменным плитам пола, заставляя волоски на руках встать дыбом. Я не подняла головы, продолжая скользить пальцами по схеме пересечения стихий.

— Опять здесь, — произнес он.

Это не было вопросом. Голос звучал ровно, без тени раздражения или удивления, будто его радар был настроен на моё местоположение каждую секунду суток.

— Это библиотека, а не северное крыло, — ответила я, переводя взгляд на развороты книги. — Здесь находится разрешено.

Шаги приближались мягко, бесшумно, пока тень не упала на раскрытые страницы. На нём была расстёгнутая на верхние пуговицы тёмная рубашка из тонкого шёлка, сквозь которую угадывался рельеф жестких мышц груди и широких плеч. Светлые пряди длинных волос спадали вперед, затеняя лицо, но его серые глаза с неуловимым фиолетовым отливом в глубине смотрели на меня с той ледяной сосредоточенностью, от которой по позвоночнику бежал озноб.

— Встань.

В этих двух словах крылось нечто непререкаемое, заставившее мышцы моего тела среагировать быстрее, чем мозг успел выстроить защиту. Я поднялась на ноги, сжимая книгу в пальцах так сильно, что ногти впивались в кожу ладоней.

Он стоял слишком близко. Его глаза гипнотизировали, лишая воли.

— Положи на стол.

— Зачем?

— На стол, Блум. Сейчас.

Валтор протянул руку к книге. Его чёрные кожаные перчатки сидели плотно, обтягивая длинные пальцы. Медленно, с жуткой, демонстративной неспешностью он начал стягивать перчатки одну за другой, обнажая крупные кисти с сильными пальцами и вздутыми венами.

Его произнесение моего имени действовало как удар хлыста — в нём сплетались арктический холод и скрытый, тлеющий под поверхностью жар. Я шагнула к массивному дубовому столу и швырнула фолиант на дерево, но отступить назад не стала. Мои ступни вросли в каменный пол, демонстрируя упрямство.

— Ты дерзишь, — сказал он, не отрывая взгляда от обложки.

— Я отвечаю на твои вопросы.

— Ты дерзишь, надеясь, что за этим спрячется твой страх. Но твой огонь выдает тебя с головой.

— Я ничего не боюсь, — бросила я, чувствуя, как кровь приливает к вискам.

Его взгляд метнулся вверх. Расстояние между нами сократилось в одно мгновение. Он возвышался надо мной так подавляюще, что воздух в лёгких мгновенно кончился.

— Повтори, — прошептал он.

— Нет.

Одним быстрым, жестким движением он подхватил меня под бёдра и усадил на край дубового стола. Прежде чем я успела соскользнуть, Валтор шагнул вплотную, вклиниваясь своим телом между моих разведенных коленей. Его бедра прижали мои ноги к боковинам стола, а тяжелый корпус навис сверху, не оставляя пространства для маневра. Тонкая ткань его рубашки была горячее, контрастируя с ледяным запахом озона, исходившим от его кожи. Я коснулась ладонями его груди, пытаюсь оттолкнуть, и почувствовала, как под шёлком бешено и тяжело бьется его сердце, а мышцы напряжены, словно натянутая тетива.

— Отойди, — выдохнула я, но пальцы лишь сильнее сжались на его плечах.

— Нет.

В этот момент огонь под рёбрами сорвался с цепи. Жар заполнил вены, требуя выплеснуться, но я давила его изнутри, помня о вражде, о ненависти, о том, кем он мне приходится.

— Ты не имеешь права...

— В моей библиотеке, со своей дерзостью в крови, ты рассуждаешь о правах? — его губы коснулись моего виска, обдав кожу обжигающим холодом дыхания. — У нас разные понятия о дозволенном, Блум.

Его рука скользнула по моему бедру вверх, сминая ткань юбки. Огонь под кожей взметнулся навстречу этой тяжелой, властной руке с бешеной силой. Пальцы Валтора скользнули под белье, медленно и намеренно очерчивая влажные контуры. От первого тактильного контакта тело прошила дрожь, низ живота стянуло тугим, болезненным узлом. Он не торопился, оглаживая чувствительные складки, заставляя меня плавиться под его пальцами, сгорать от собственного неконтролируемого желания.

Затем он медленно вошел одним пальцем, проникая в самую глубь замерзающего тела. Он казался невероятно широким, заполняя всё пространство внутри меня так плотно, что дыхание перехватило, а спина инстинктивно выгнулась, ища опору.

— Какая же ты узкая, — низко и хрипло выдохнул он мне в шею, и его дыхание обожгло кожу.

Он замер на секунду, давая привыкнуть к этой тяжести, а затем медленно, непреклонно протолкнул следом второй палец. Острая, тянущая боль смешалась с такой сильной вспышкой удовольствия, что из моего горла вырвался задушенный, хриплый крик.

В ту же секунду его широкая ладонь намертво прижалась к моему рту, заглушая звук.

— Тихо, — приказал он в самый слух, и его челюсть окаменела от напряжения. — За стеной ведьмы. Ты же не хочешь, чтобы они услышали?

Я обхватила его руками, судорожно вцепляясь пальцами в его плечи сквозь тонкий шёлк рубашки, запуская ногти в его спину. Мои пальцы запутались в его длинных светлых волосах, притягивая его ближе, пока серые глаза мага, потемневшие до цвета грозового неба, пристально следили за каждым моим вздохом. Он не сопротивлялся моим рукам, позволяя удерживать себя, пока его пальцы внутри меня задавали жесткий, глубокий и неотвратимый ритм. Мой разум кричал, что это враг, чудовище, пленившее моих родителей, но тело предательски сжималось вокруг его пальцев, требуя больше, растворяясь в его ледяном озоне и диком внутреннем жаре.

Грохот разорвал тишину замка с такой силой, что дубовые стеллажи задрожали. Факелы затрещали от резкого перепада магического давления, и я вздрогнула от неожиданности, распахивая глаза.

Потолок моей комнаты. Серый рассвет за окном. Тишина, от которой звенело в ушах.

Я лежала на кровати, тяжело дыша, сжимая в кулаках простыню. Моё бельё было влажным, а между бёдер до сих пор пульсировал жгучий, неистраченный жар.

Я ненавидела себя. Ненавидела своё собственное тело, которое так легко, безвольно предало меня во сне, откликаясь на ласки злейшего врага. Как я могла позволить ему делать это? Даже в кошмарном бреду, даже в наваждении... Он — демон, держащий моих родителей в сыром подземелье, а я выгибалась навстречу его пальцам, сходя с ума от удовольствия. Отвращение к себе сдавило горло сухим спазмом.

На полу у постели валялась раскрытая книга.

Я свесила руку, поднимая фолиант. Страница была открыта на середине:

Там, где встречаются два пламени одной природы, между ними рождается то, что не принадлежит ни одному из них. Первый, кто это увидит — уже не тот, кем был прежде. Первый, кто почувствует — будет гореть всю жизнь.

Книга выскользнула из ослабевших пальцев обратно на пол.

Я не помнила, чтобы брала эту книгу с собой в комнату вчера вечером. Я оставила её в библиотеке.

Под подушкой отчетливо и резко пахло озоном и жженой медью.

Глава 5

Я проснулась от резкого, удушливого ощущения жара в груди, будто проглотила тлеющий уголь.

Одеяло было скомкано у ног, а простыня под моим телом казалась влажной от пота. Кожа на щеках и шее горела так ярко, словно меня прижали раскалённым металлом. Я резко села на кровати, судорожно хватая ртом сухой, промёрзший воздух спальни, но он не приносил облегчения. Дыхание срывалось на хрип, а пальцы рефлекторно скользнули по шее, оглаживая ключицы в тщетной попытке стереть фантомные следы чужих губ и ледяного дыхания.

Это был сон. Только сон. Наваждение, сотканное из замковой сырости и моего собственного воспаленного разума.

Но тело отказывалось подчиняться рассудку. Нижняя часть живота пульсировала тупой, ноющей болью, а между бёдер сохранялся предательский, лихорадочный жар. Я сжала зубы до

боли в челюсти, испытывая к самой себе такую яростную ненависть, что огонь под рёбрами взметнулся волной, едва не прожжа мою одежду.

Я ненавидела себя за эту слабость. Как моё тело могло ответить врагу — тому самому чудовищу, чьи застенки держали в сырости и мраке моих родителей? Я задохнулась от омерзения к собственным реакциям, к этой проклятой искре в крови, которая реагировала на его ледяной озон быстрее, чем мозг успевал выстроить защиту.

На полу у кровати лежала раскрытая книга. Тот самый фолиант, который я вчера оставила в библиотеке.

Наклонившись, я подняла тяжелую кожу переплёта. Страница оказалась заломленной посередине. Я разгладила плотную бумагу дрожащими пальцами и всмотрелась в строки, написанные незнакомым угловатым шрифтом, который теперь почему-то читался без труда: *«Там, где встречаются два пламени одной природы, между ними рождается то, что не принадлежит ни одному из них. Первый, кто почувствует — будет гореть всю жизнь».*

Я поспешно захлопнула книгу и положила её на тумбочку, подальше от себя, стараясь даже не смотреть на тиснение.

Утро принесло серый, холодный свет, едва пробивающийся сквозь щели деревянных ставней. Я умылась ледяной водой из кувшина и долго всматривалась в свое отражение в мутном зеркале. Голубые глаза казались чужими, а в глубине зрачков всё ещё тлел остаток ночного жара.

Замок встретил меня привычной, давящей тишиной. Красное пламя факелов горело ровно, не потрескивая, а мои шаги глухо отдавались от каменных стен по пути к библиотеке.

Дверь книгохранилища оказалась приоткрыта. Изнутри тянуло запахом воска и старого пергамента. Я шагнула в комнату и замерла.

Валтор стоял у высокого стеллажа спиной ко мне. На нём была та же тёмная рубашка из тонкого шёлка с расстёгнутыми верхними пуговицами. Его взгляд был направлен на полки, а длинные светлые волосы падали на плечи. Когда он медленно повернулся, его серые глаза с фиолетовым отливом скользнули от моего лица к шее и задержались у ключиц, где ткань приоткрывала кожу. Это внимание ощущалось физическим прикосновением, заставившим меня внутренне сжаться.

— Книга о договорах, — сказал он, кивнув на стол, где лежал раскрытый том. — Я думал, ты будешь читать ее дольше.

Я подошла ближе, заставляя себя держать голос ровным.

— Я уснула, страницы поплыли, — ответила я, стараясь не смотреть на него.

— И что ты видела в своей темноте? — спросил он.

Валтор смотрел на меня с легким любопытством, словно разглядывал разгаданную загадку.

— Ничего, — соврала я, выдерживая его взгляд. — Просто пустоту.

Маг улыбнулся медленной, понимающей улыбкой, которую я сразу возненавидела за то, что она выдавала его превосходство.

— Пустоту, — повторил он. — А мне казалось, что в моих стенах достаточно образов.

Он сделал шаг вперед, заставляя воздух между нами сгуститься, и я машинально отступила назад, подчиняясь инстинкту самосохранения.

— Ты боишься меня, — констатировал он.

— Я не боюсь, — ответила я, сжимая пальцы.

— Тогда почему ты отступаешь?

Я замерла, злясь на то, как легко он замечает каждую мою слабость.

— Потому что ты стоишь слишком близко, — процедила я.

— И что случится, если я подойду вплотную?

Он сделал еще один шаг. Я не двинулась с места, заставив себя стоять на ледяных плитах и смотреть прямо в его серые глаза, пока огонь под моими ребрами яростно бился о кости.

— Ты сгоришь, — пообещала я.

Валтор улыбнулся шире, словно получил именно то подтверждение, на которое рассчитывал. Он обошел стол и остановился у самого края, возвышаясь надо мной темным силуэтом.

— Тебе нечего стыдиться, — его голос звучал низко. — Желание — это не слабость. Это тот же огонь, а ты — его фея. Ты просто не готова признать, что твоя сила хочет гореть для меня.

— Ты слишком много о себе думаешь, Валтор, — холодно ответила я. — Мой огонь не принадлежит никому. Он просто мой.

Он опустил ладонь на раскрытую страницу книги, лежащей на столе. Его пальцы коснулись золотых строк.

— Этот текст написан на стародоминском, — сказал маг, и его тон мгновенно стал жестким, лишенным прежней мягкости. — Язык древних правителей Домино. Ты смогла прочесть его во сне, потому что твой огонь почуял родную магию. Но твое бодрствующее сознание слепо. Ты не можешь разобрать и половины символов, когда смотришь на них сейчас.

Я промолчала, понимая, что он прав. Символы на бумаге снова казались мне сложной, нечитаемой вязью.

— Твоя магия нестабильна, Блум, — продолжил Валтор, и его глаза потемнели, становясь холодными, как грозовое небо. — Твоя Алфея научила тебя детским фокусам, но не дала понимания первородной силы. Без древних заклинаний призыва и удержания твой собственный огонь выжжет тебя изнутри. Рано или поздно он прорвет твои щиты и превратит твоё тело в пепел. Тебе нужно научиться стародоминскому, если ты хочешь выжить.

— Я справлюсь сама, — бросила я, хотя горло сдавило сухим спазмом от его слов.

— Нет, не справишься, — отрезал он. Его ладонь тяжело опустилась на столешницу рядом с моей рукой, обдав кожу волной ледяного озона. — Твое упрямство убьет тебя быстрее, чем закончится этот месяц. Я буду учить тебя. Урок начнется сегодня вечером, здесь.

— Я не собираюсь учиться у тебя, — я попыталась выдернуть руку, но он перехватил мое запястье. Его пальцы сжались на коже ледяным обручем, мгновенно гася вспыхнувшие золотые искры.

— У тебя нет выбора, фея, — прошептал он прямо мне в лицо, и его дыхание осело паром на моих губах. — Ты либо примешь мои условия и научишься контролировать зверя под своими ребрами, либо сгоришь прямо в этом замке. Твои родители останутся одни без малейшего шанса на защиту, потому что защищать их будет некому. Соглашайся.

Я смотрела в его глаза, чувствуя, как внутри все дрожит от бессильной ярости и страха перед правдой его слов. Мое запястье горело от холода его хватки, а огонь внутри испуганно затаился, признавая его силу.

— Хорошо, — выдавила я сквозь сжатые зубы. — Я согласна.

Валтор медленно разжал пальцы, освобождая мою руку. На коже остался четкий белый след, постепенно наливавшийся красным.

— В девять вечера. Не опаздывай, — сказал он, развернулся и вышел из библиотеки.

Я осталась стоять посреди пустого зала, сжимая кулаки до боли в ладонях, пока фантомный жар его присутствия продолжал обжигать мне лицо.

Вечер пришел быстро, принес с собой густые тени, поползшие по углам библиотеки. Я сидела за столом у окна, всматриваясь в серые сумерки за стеклом. До назначенного времени оставалось несколько минут. Воздух в замке казался необычайно плотным, давящим на плечи, словно перед бурей.

Внезапно тишину коридора разорвал тихий, скользящий цокот каблучков. Но это были не шаги Валтора.

Я замерла, прислушиваясь. Шаги Трикс. Они приближались к кабинету мага, расположенному в конце коридора. А следом за ними послышался низкий, ровный голос Валтора. Их голоса за каменной стеной звучали приглушенно, но я отчетливо расслышала резкий, злой выкрик Сторми:

«С каких это пор эта рыжая сучка разгуливает по замку как хозяйка?!»

Я сжала пальцы на деревянном подлокотнике кресла, чувствуя, как кровь в жилах превращается в жидкий огонь. Напряжение в воздухе стало почти осязаемым. Урок еще не начался, но за стенами библиотеки уже затягивалась петля, из которой не было выхода.

Глава 6

Стрелки башенных часов в коридоре замка двигались медленно, словно увязая в тяжелом, застоявшемся воздухе. Я сидела за массивным дубовым столом в библиотеке, чувствуя, как с каждым ударом пульса в висках нарастает глухое, лихорадочное напряжение. На мне была та же одежда, в которой я сбежала из Алфеи — короткий топ и юбка, открывающие полоску кожи на животе и колени. Других вещей у меня не было, и этот факт постоянно напоминал о временности моего пребывания здесь, о кандалах договора, затягивающихся на горле с каждым днем.

Стрелка перешагнула девятичасовую отметку, когда дубовая дверь открылась без единого звука.

Волна тяжелой, плотной магии прокаталась по каменному полу за секунду до того, как в проеме показался Валтор. Он не спешил переступить порог, останавливаясь в тени арки, высокий, темный и неотвратимый. В тусклом свете оплывающих свечей его длинные светлые волосы казались серебряными, а серые глаза с пронзительным фиолетовым отливом прожигали меня насквозь. Он смотрел на меня с тем хищным, расчетливым интересом, с каким охотник изучает пойманного зверя, еще не решив, добить его сразу или позволить побиться в силки.

— Опоздание на минуту считалось бы хорошим тоном для феи, решившей бросить вызов ночи, — произнес он ровно, делая первый шаг внутрь. Его голос прозвучал тихо, но каждый звук отдавался под сводами книгохранилища. — Но ты пришла вовремя. Значит, страх перед тем, что ждет тебя внутри, оказался сильнее твоей фальшивой гордости.

— Я не боюсь тебя, — бросила я, поднимаясь из-за стола. Голос прозвучал чуть громче, чем следовало, выдавая скрытое напряжение и дрожь в коленях.

— Страх — это естественная реакция организма на неминуемую гибель, Блум, — ответил он, приближаясь размеренным, бесшумным шагом. — Глупо отрицать то, что заложено в твоей крови. Ты дрожишь не от холода этого замка. Ты дрожишь оттого, что твое тело помнит, кто здесь настоящий хозяин.

Он остановился в шаге от меня. Воздух между нами мгновенно накалился. Первородная сила мага питалась темным, жгучим пламенем, полыхающим в самой сердцевине его существа. От него исходил давящий жар, смешанный с запахом озона и горелой меди. Столкновение двух пламеней — моего светлого Огня Дракона и его древней, истерзанной веками тьмы — превращало воздух в раскаленную плазму. Между нашими телами будто натянулась невидимая стальная струна, звенящая от малейшего вдоха.

Валтор положил на стол тяжелый фолиант в потрепанном кожаном переплете — тот самый, который он унес накануне. Книга глухо стукнула о дерево, поднимая облачко вековой пыли.

— Открывай.

Я не двигалась, сжимая пальцы в кулаки так сильно, что ногти больно впивались в ладони через тонкую ткань алфейского топа.

— Мы договаривались говорить о договорах, — произнесла я, упрямо задирая подбородок.

— Мы будем говорить о том, как выжить, когда твой собственный огонь решит разорвать тебя изнутри, — жестко оборвал он меня. Его рука легла на обложку книги, а длинные пальцы в черных перчатках медленно провели по золотому тиснению в виде переплетенных языков пламени. — Стародоминский язык — это не просто набор мертвых символов из архивов павшего королевства. Это единственный код, способный усмирить бурю в твоих венах. Твоя Алфея пестовала твою слабость, учила тебя испускать искры ради красивых заклинаний.

Но первородная сила не терпит дилетантов. Каждое слово на этих страницах способно либо спасти твою жизнь, либо сжечь тебя дотла за долю секунды. Читай первую строку.

Я опустила взгляд на развернутые страницы. Передо мной лежала темная вязь угловатых рун.

— Я не могу, — выдохнула я, чувствуя, как горло сжимается от спазма. — Я вижу только бессмысленные линии.

— Смотри глубже, — его голос стал низким, почти приказом, проникающим прямо в нервные окончания. — Твой разум сопротивляется, потому что боится признать силу, которую ты носишь. Перестань цепляться за свой иллюзорный контроль и посмотри на то, что у тебя под ребрами.

Он обошел стол и встал за моим левым плечом так близко, что я физически ощущала жар его тела сквозь тонкую ткань рубашки. Одна его рука опустилась на спинку моего стула, полностью отрезая пути к отступлению, а вторая накрыла мои дрожащие пальцы, лежавшие на пергаменте.

От соприкосновения его перчатки с моей кожей по руке пробежала дикая, обжигающая искра. Жар моего огня взметнулся в ответ с бешеной силой, сталкиваясь с его темным, тяжелым пламенем. Между нашими пальцами заискрился тонкий белый пар, оседая крошечными каплями влаги на древней бумаге.

Она упряма до отвращения.

Я снова услышала его голос в своей голове — резкий, раздраженный и одновременно опьяненный этим сопротивлением.

Каждое ее движение отзывается под моей кожей так, будто она касается меня напрямую. Эта девчонка понятия не имеет, какую игру ведет.

— Что ты... — судорожно выдохнула я, пытаюсь дернуть руку, но его пальцы держали мое запястье с железной непреклонностью.

— Я помогаю твоему разуму услышать то, что знает твоя кровь, — прошептал он мне в самое ухо, и от его горячего дыхания у меня по коже побежали мурашки. — Читай, Блум. Сейчас же.

Я зажмурилась на секунду, собирая остатки воли, и заставила себя всмотреться в золотящиеся руны. Невеким образом туман в голове начал рассеиваться. Слова складывались сами собой, рождаясь на языке помимо моей воли, гортанные, тяжелые, звучащие как древнее заклинание:

— Aeterna ignis... vobis impero...

Сорвавшееся с моих губ слово отозвалось в груди мощным, болезненным толчком. Огонь под ребрами взревел, вырываясь из-под контроля, и воздух вокруг нас пошел трещинами от магического давления. Свечи на столе затрещали и погасли в один миг, погружая библиотеку в глубокую, плотную темноту, освещенную лишь зловещим золотым свечением из-под моих пальцев.

— Правильно, — выдохнул Валтор, наклоняясь ближе. Его губы почти касались моего уха, а широкая грудь прижималась к моей спине так плотно, что я чувствовала каждый удар его тяжелого, сбивчивого сердца. — А теперь держи. Не позволяй ему сорваться.

Его вторая рука скользнула по моему плечу вниз, обжигая жаром через ткань топа, и легла на мой обнаженный живот, притягивая меня к нему вплотную. Разум кричал об опасности, требуя вырваться, ударить его пламенем, оттолкнуть, но тело предательски выгибалось навстречу этому жесткому, властному прикосновению, стора от безумного, запретного притяжения.

Ее огонь уже принадлежит мне, даже если ее гордый язык все еще пытается спорить.

— Ты используешь меня... — прошептала я, чувствуя, как голос изменяет мне.

— Я учу тебя выживать в мире, который хочет тебя уничтожить, — его голос звучал как приговор, не оставляя надежды на спасение. — Привыкай к этому, фея. Теперь твой огонь горит не для Алфеи. Он горит для меня.

В этот момент за тяжелой дубовой дверью библиотеки раздался резкий, металлический скрежет и приглушенный, полный ярости шепот Сторми, пробивающийся сквозь толщу камня:

— Она все еще там... Если он снова закроется с ней наедине, я выбью эту чертову дверь к чертям собачьим!!!

Темнота вокруг нас сгустилась до предела, а огонь под моими ребрами, подстегиваемый близостью Валтора и угрозой извне, взорвался яркой вспышкой, готовой разнести этот замок на куски.

Глава 7

Валтор медленно убрал ладонь с моей талии, лишая мое тело своего плотного, удушливого тепла. Фиолетовое пламя, бушевавшее в его серых глазах, мгновенно угасло, сменившись ровной и холодной сталью. Он не стал оборачиваться к дверям, лишь слегка повел пальцами правой руки в сторону выхода.

Тяжелые дубовые створки библиотеки распахнулись сами собой под напором невидимой волны его магии, с глухим стуком ударившись о стены коридора.

За порогом обнаружили ведьмы. Айси, Дарси и Сторми стояли в полумраке галереи, не успев скрыться. Их напряженные позы выдавали то, с каким нетерпением они прижимались

к замочной скважине секунду назад. На их лицах на мгновение отразился испуг от резкого разоблачения, смешанный с раздражением.

Маг прошел мимо них молча. Его шаги были тяжелыми, размеренными, а лицо оставалось неподвижной каменной маской. Он не удостоил сестер даже коротким взглядом, проигнорировав их присутствие с тем леденящим высокомерием, которое было привычно для него в моменты раздражения. Его темный силуэт быстро растаял в темноте переходов западного крыла.

Когда его шаги стихли, Айси сделала шаг вперед, переступая порог библиотеки. Ее ледяные глаза скользили по моей растрепанной косе, по обнаженным плечам, открытому животу и короткой юбке, в которой я стояла, прислонившись спиной к дубовому столу. Другой одежды у меня не было, и этот открытый наряд заставлял меня чувствовать себя незащищенной под их прицельными взглядами.

— Смотри, как вырядилась эта рыжая сучка, — процедила Сторми, скрестив руки на груди и не скрывая брезгливой усмешки. — Думает, если он тратит на нее время, она стала важной. Обычная пленница на коротком поводке, которую держат здесь ради забавы.

— Пойдемте, сестры, — велела Айси ровным, безразличным тоном. — Пусть тешится. Очень скоро она сама поймет свое истинное место в этом замке.

Они развернулись и бесшумно удалились, оставив меня наедине со звенящей пустотой огромного зала.

Я осталась в библиотеке. Возвращаться в свою спальню, где стены давили холодом, казалось невыносимым. Я опустилась прямо на каменные плиты пола между высокими книжными стеллажами, прислонившись спиной к массивному шкафу. Обнаженная кожа живота и коленей быстро покрылась мурашками от гуляющих сквозняков, но внутри меня продолжал тлеть злой, лихорадочный жар, не позволявший замерзнуть окончательно.

Я положила раскрытую книгу на колени и невидящим взором уставилась на стародоминские руны. Мысли упрямо возвращались к Скаю. Ищет ли он меня? Что сейчас происходит в Алфее? Тяжесть контракта давила на грудь. Даже если Скай найдет этот замок, я не смогу уйти — мое слово держало меня крепче железных кандалов, пока приемные родители оставались в безопасности за пределами этих стен. Объяснить ему это казалось невозможным, и от бессилия горло сдавил сухой спазм.

Время тянулось медленно, перевалив далеко за полночь. Я сидела неподвижно, всматриваясь в темноту между стеллажами, пока тишину коридора снова не нарушил шорох шагов. Я инстинктивно вжалась в нишу шкафа, стараясь не шевелиться.

За стеной библиотеки, в соседнем кабинете мага, слышались голоса.

— Наша рыжая гостья все еще сидит там, — раздался тихий, свистящий шепот Айси, пробивающийся сквозь щели в каменной кладке.

— Пусть сидит, — ответил голос Валтора.

В ту же секунду угол страницы стародоминской книги на моих коленях внезапно покрылся тонким слоем сизого инея. Ледяные иглы медленно поползли по бумаге, замораживая тепло переплета и превращая золотистые руны в тусклые серые знаки. Это был знак от Айси — холодный, издевательский маркер того, что она знает о моем присутствии за стеной.

Я замерла, боясь сделать глубокий вдох. А затем за тонкой перегородкой раздалась другая звуки.

Резкий, сухой скрежет ножек дубового стола о каменный пол. Скрип дерева под чужой тяжестью. Влажный, прерывистый вздох ведьмы.

— Валтор... — хрипло выдохнула Айси.

Ритмичные, жесткие удары тел о столешницу становились все быстрее, неотвратимее. Звуки совокупления ведьмы и мага доносились с ужасающей отчетливостью, заполняя пустоту библиотеки. Айси стонала навзрыд, выкрикивая его имя, теряя остатки своего ледяного само-

обладания. Ей вторил низкий, утробный рык Валтора. Его хриплые, животные стоны вибрировали в камне стены, прошивая мое тело насквозь.

Живот сжался в тугую, болезненный узел. Я прижала ладони к ушам, зажмурившись до боли, но звуки проникали сквозь пальцы, заставляя кожу гореть от постыдной дрожи. Огонь под ребрами взревел от яростной, слепой ненависти к нему, к Айси и к собственной физиологии, которая отзывалась на этот кошмар лихорадочным жаром.

Не выдержав, я вскочила и бросилась вон из библиотеки, не разбирая дороги в темноте переходов, пока не захлопнула за собой дверь спальни. Но даже уткнувшись лицом в подушку, я продолжала слышать его стоны. Они звучали в голове помимо моей воли, отравляя сознание. Я лежала без сна до самого утра, сгорая от ярости и унижения, желая только одного — высказать ему все прямо в лицо.

Рассвет принес лишь серый туман за окном. На завтраке в западном крыле мы сидели за противоположными концами длинного стола. Валтор, одетый в темную шелковую рубашку, листал бумаги и не поднимал глаз.

— Ты плохо спала, Блум, — произнес он ровно, перелистывая лист пергамента.

— Твои заботы ограничиваются границами замка, Валтор, — процедила я, сжимая в руке ложку так сильно, что металл больно врезался в пальцы.

— Твой огонь коптит. Он реагирует на каждый твой внутренний всплеск, — спокойно констатировал маг, так и не взглянув на меня.

В комнате повисла тяжелая тишина. Я смотрела на его безупречный вид, на его расстегнутый воротник, и перед глазами вставал образ ночного стола. Наконец, я не выдержала.

— Я была в библиотеке ночью, — глядя ему прямо в глаза, твердо произнесла я. — Сидела прямо за этой стеной и пыталась читать. И если вы с Айси решили устраивать свои грязные свидания в соседнем кабинете, делайте это хотя бы тише. Это элементарные правила приличия, Валтор. Или ты решил превратить свой замок в публичный дом?

Валтор медленно положил бумаги на стол. Его серые глаза сузились, фиксируя мою ярость.

На его лице не отразилось ни единой эмоции. Ее яростная, слепая ревность принесла его темному огню почти физическое удовлетворение. Он медленно поднялся, нависая надо мной всей своей огромной фигурой.

— Мой замок — это то место, где я делаю все, что пожелаю, искра, — его голос понизился до опасного, вкрадчивого рокота. Он оперся руками о столешницу, наклоняясь ко мне так близко, что я почувствовала жар его кожи. — И если я захочу сорвать голос ведьмы на этом самом столе, тебе придется сидеть тихо и слушать.

Я задохнулась от возмущения, чувствуя, как лицо заливают пунцовый жар.

— Ты чудовище, Валтор, — прошипела я, готовая ударить его пламенем прямо в грудь.

— Возможно, — спокойно ответил он, выпрямляясь и забирая бумаги. — Но урок стародоминского состоится сегодня в девять вечера. Не опаздывай.

Он развернулся и вышел, оставив меня наедине с кипящей злостью. Я ненавидела его высокомерие, его безразличие и то, как сильно меня ранил этот обман.

Весь день я провела в своих покоях, пытаюсь упорядочить мысли. Ненависть к магу мешалась со странным, пугающим чувством опустошения. Я понимала, что нахожусь во власти чело-века, для которого не существует правил, и это осознание парализовало волю.

Вечером, когда замок погрузился во мрак, я вышла из комнаты, направляясь к западной галерее. Внезапно тишину коридора разорвал оглушительный грохот. Звук удара тяжелого тела о каменную стену сменился резким, испуганным вскриком Сторми и глухим стоном Айси.

Я инстинктивно прижалась к нише стены, бесшумно приближаясь к приоткрытой двери темного зала.

Внутри горел лишь один факел. Валтор стоял посреди комнаты, окутанный тяжелым фиолетовым пламенем. Его пальцы намертво сжимали горло Айси, прижатой спиной к холодному камню. Ее ноги едва касались пола, а Сторми и Дарси испуганно жались в углу, не смея вмешиваться.

— Какого хуя ты творишь, Айси? — его голос вибрировал от бешеного, с трудом сдерживаемого гнева, заставляя каменные своды мелко дрожать. — Ты использовала Дарси, чтобы создать эту блядскую иллюзию за стеной библиотеки. Я не разрешал вам лезть в ее разум с вашим дешевым мороком.

Айси хрипела, цепляясь ногтями за его железное запястье. Ее лицо посинело от нехватки воздуха, но она упрямо держала маску ледяного превосходства. Ведьма улыбнулась сквозь боль по-сучьи, кривя разбитые губы в издевательской ухмылке.

— Ты взбесился из-за глупого звукового морока? — выдавила она, прерывисто дыша.
— Какая нежность к девчонке. Но что ты сделаешь, когда она узнает правду? Ведь то, что происходит со Скаем на Эраклионе — это не иллюзия. И ты не сможешь это скрыть.

Валтор замер. Его челюсть окаменела от напряжения, а пальцы на ее горле на секунду сжались еще сильнее. Он не произнес ни слова в защиту принца, не стал возражать. Он не мог возразить против правды, и это молчание мага ударило по мне сильнее любого заклинания.

Я стояла в темноте коридора, чувствуя, как земля уходит из-под ног, а собственный огонь вздрагивает от холодного, липкого ужаса перед тем, что скрывали эти слова.

Глава 8

Темный шелк простыней оставался ледяным, но даже этот холод не спасал от сжигавшего изнутри жара, который медленно поднимался от бедер к самой грудной клетке. Я не снимала свою помятую одежду, оставшуюся со дня прибытия в цитадель, и эта запыленная, пропахшая гарью ткань казалась чужеродной, стягивая тело и только усиливая ощущение плена. Сквозняк из открытого окна приносил запахи сырого камня и озона, но морозный воздух оседал на горячей коже бесполезной влагой, пока Огонь Дракона глухо и неровно пульсировал в такт рваному дыханию.

Я металась по постели, сбивая подушки и тщетно пытаюсь унять лихорадочную дрожь. В ушах до сих пор стоял навязчивый грязный морок — те низкие, хриплые мужские стоны, сотворенные Дарси за стеной библиотеки и заставлявшие сгорать от дикой, постыдной ревности. Разум упорно возвращал в недавний бред, где пальцы Валтора бесцеремонно ласкали изнутри, а его тяжелая широкая ладонь намертво зажимала мне рот, заглушая крик удовольствия. В том сне я всем телом ощущала жесткое, свинцовое напряжение под плотной тканью его брюк, прижимавшихся к бедру, и понимала, насколько этот мужчина огромен. Осознание того, что он может в любую секунду сломать мое сопротивление и взять силой, но сдерживает своего внутреннего зверя, разжигало пламя внизу живота с новой, пугающей мощью.

Живот скрутило острой, болезненной судорогой от воспоминания об этой властной сдержанности. Ладонь сама собой потянулась к вырезу топа, быстро стягивая запыленную ткань через голову и отбрасывая в сторону. Следом на холодные каменные плиты полетела юбка. Оставшись обнаженной, я опустилась на ледяные простыни, подтягивая колени к груди от охватившего тело озноба. Но изнутри продолжал полыхать невыносимый, душный жар. Я рвано вздохнула, оглаживая ладонями чувствительную кожу бедер, а затем медленно сдвинула в сторону узкую полоску шелковых трусиков. Пальцы коснулись влажных, горячих складок в самом центре лона, лаская нежную плоть снаружи, а после скользнули глубже, проникая в тесную, скользкую глубину. Я выгнулась в спине, зажмурившись от этого мучительного ритма и тихо застонала в подушку...

В моем кабинете царил привычный холод, но меня изнутри сжирал лихорадочный, отвратительный зуд. Собственная темная магия мелко дрожала под кожей, отзываясь на ментальный пульс из гостевых покоев. Я резко выпрямился и взмахнул рукой над столом, заставляя стеклянную сферу очиститься от фиолетовой дымки.

Я рассчитывал увидеть девчонку плачущей от бессилия или пытающейся взломать замки, но очистившееся стекло показало картину, от которой по венам ударил жидкий огонь. Блум была полностью раздета. Ее бледное тело резко контрастировало с темным шелком простыней, а рыжие волосы разметались по подушке. Дыхание с хриплыми стонами доносилось из сферы с пугающей четкостью. Я замороженно смотрел, как она убирает в сторону узкую полоску белья, открывая моему взгляду влажные, нежные лепестки своего лона. Ее пальцы скользили по ним, а затем один из них медленно, до упора ушел внутрь... *Utinam singulas corporis tui particulas lambere possem...* *блять...

Моя ладонь сама собой дернулась вниз, пальцы с силой сжали ткань брюк поверх вставшего члена, пытаюсь раздавить эту мучительную, свинцовую тяжесть. Возбуждение сдавило легкие, мешая сделать вдох. Я смотрел на то, как фея извивается на простынях, и сходил с ума от желания тотчас ворваться в ее покои, опрокинуть девчонку на прохладный шелк и заполнить ее собой до предела, заставляя сорвать голос, пока она не позабудет все, кроме моего имени. Но контракт связывал по рукам и ногам, и если я сорвусь, то потеряю ее навсегда. От этого бессилия в голове бешено закрутилась мысль пойти в комнату Айси. Жестко выебать

эту похотливую шлюху прямо на каменном полу ее башни, выплеснуть накопившуюся ярость, дабы проклятый огонь наконец отпустил меня. До появления рыжей мы действительно иногда трахались в полумраке замка, когда требовалось сбросить пар, и сейчас безумно хотелось взять ледяную ведьму до хруста в костях, чтобы она всю следующую неделю боялась приблизиться и прекратила досаждать своими вечными заговорами. Но один образ ее тела вызывал лишь глухое раздражение. Я понимал, что ее холод не потушит бушующий пожар.

Процедив проклятие сквозь сжатые зубы, я резко взмахнул рукой, гася сферу и погружая кабинет во тьму.

Спустя минуту я уже шел по каменному коридору в сторону библиотеки, надеясь вернуть контроль в чтении древних трактатов. Но когда открыл тяжелый фолиант на случайной странице, буквы расплывались перед глазами, упрямо складываясь в контуры девичьих линий, ласкающих влажную кожу.

Серый рассвет едва пробивался сквозь узкую бойницу спальни, ложась на холодный каменный пол тусклыми, безжизненными полосами. Я лежала на постели, уставившись в потолок, и никак не могла унять дрожь. Слова Айси, подслушанные накануне вечером в коридоре, звенели в ушах непрекращающимся набатом, отравляя каждую мысль.

«То, что происходит со Скаем на Эраклионе — это не иллюзия. И ты не сможешь это скрыть».

Что за правда? Что происходит на его планете? Жив ли он вообще, или ведьмы приготовили для меня очередной круг ада, о котором я даже не догадываюсь? Мысли метались в голове, как пойманные птицы, разбиваясь о глухую, каменную реальность моего плена. Мой внутренний огонь реагировал на эту мысленную пытку неровными, болезненными вспышками, толкаясь под ребрами тяжелым, удушливым жаром. Я до боли сжала челюсти, ненавидя свое бессилие. Я была заперта здесь, связана договором с врагом, пока где-то там рушился мой мир.

Мои размышления были грубо прерваны. Тяжелая дубовая дверь распахнулась без стука, с глухим стуком ударившись о стену.

Я инстинктивно дернулась, натягивая ледяное шелковое покрывало до самого подбородка, чтобы скрыться от вошедшего.

На пороге стоял Валтор. Его высокая, мощная фигура почти полностью перекрывала дверной проем. На нем были темные брюки и расстегнутый у горла камзол, из-под которого веяло плотным, обжигающим жаром первородного огня. Его серые глаза с фиолетовым отливом скользнули по моей постели, фиксируя испуганное движение.

Он посмотрел на угол комнаты, где на полу лежали мои грязные, измятые вещи. На ткани чернели следы копоты и пепла, оставшиеся после вчерашнего неконтролируемого всплеска магии во время урока.

— Твои лохмотья осыпаются пеплом на мои полы, Блум, — произнес он, и его низкий голос прозвучал жестко, с отчетливой хрипотой. — Какого черта ты до сих пор в этом?

— У меня нет другой одежды, если ты не заметил, — процедила я сквозь зубы, сверкая глазами из-под покрывала. Ненависть к нему жгла горло сухим спазмом, но я была вынуждена подчиняться правилам его замка.

Валтор раздраженно дернул плечом. Он шагнул к комоду и бросил на него плотный сверток из темной материи, который держал в руках.

— Оденься. Через полчаса жду тебя в библиотеке. У нас много работы, и я не намерен тратить время на твои капризы.

Он развернулся и вышел, не прикрыв за собой дверь.

Я сбросила покрывало, подошла к комоду и развернула ткань. Внутри оказалась его большая черная рубашка из тонкого, невероятно мягкого хлопка — та самая, которую он носил в прошлые дни. Стоило мне взять рубашку в руки, как в нос ударил резкий, будоражащий

запах. Она пахла им — густым ароматом озона, горького дыма и нагретого металла. Этот запах намертво ассоциировался с его темным пламенем, заставляя кожу на моих руках мгновенно покрыться мурашками.

Я натянула рубашку. Ткань скользнула по телу, лаская кожу, но рубашка была мне слишком велика. Рукава свисали далеко за пальцы, и мне пришлось несколько раз подвернуть их у запястий. Подол рубашки доходил до середины бедер, полностью закрывая ягодицы и превращаясь в экстремально короткое платье. Черный хлопок резко контрастировал с моими рыжими волосами, а открытые ноги казались слишком длинными и незащищенными в холодном воздухе восточного крыла. Под рубашкой у меня не было белья — измятый алфейский топ пришел в полную негодность. При каждом движении соски терлись о тонкую ткань, мгновенно затвердевая от сквозняков и отчетливо проступая сквозь податливую материю.

Я чувствовала себя раздетой, но у меня не было выбора. Сжав кулаки, я вышла из комнаты и направилась в библиотеку.

Валтор уже сидел за столом, листая раскрытый фолиант стародоминского языка. Услышав шорох ткани, он медленно поднял голову.

Его взгляд скользнул по моей фигуре, и пальцы, переворачивавшие страницу, на секунду замерли в воздухе. Маг окинул взглядом свои подвернутые рукава на моих руках, а затем его глаза опустились ниже, фиксируясь на моей груди. Тонкий хлопок натягивался при каждом моем вздохе, очерчивая твердые соски.

В библиотеке мгновенно разлилось такое плотное, почти осязаемое напряжение, что воздух казался раскаленным. Валтор резко выпрямился в кресле, его челюсть напряглась так, что побелели скулы, а кадык судорожно дернулся. Он попытался отвести взгляд обратно к книге, но его глаза упрямо возвращались к моей груди под его собственной рубашкой.

Блять... Тонкий хлопок едва скрывает ее тело. Я чувствую ее жар даже на расстоянии двух шагов. Эта девчонка понятия не имеет, как опасно стоять передо мной в таком виде.

Мужчина шумно выдохнул сквозь зубы, стремясь вернуть контроль над собственным телом, предательски реагирующим на близость феи. Его темная магия внутри глухо зарокотала, требуя притянуть меня ближе.

— Садись, Блум, — произнес он, и его голос прозвучал глуше обычного. — Мы продолжаем перевод третьей главы летописи. Твое произношение вчера было отвратительным.

Я опустила на соседний стул. Валтор придвинул свое кресло ближе, сокращая расстояние между нами до минимума. Его плечо почти касалось моего, и я физически ощущала исходящий от него жар. Наша магия мгновенно среагировала на близость: между нашими телами поднялся едва заметный белый пар, оседая влагой на деревянной столешнице.

— Переводи эту строку, — Валтор указал длинным пальцем на острую золотистую руну. Его рука слегка дрожала.

Я всмотрелась в знаки, но мысли путались. Перед глазами стояло лицо Ская и вчерашний шепот Айси в коридоре. Что происходит на Эраклионе? Почему Валтор промолчал, когда Айси сказала, что это правда?

— Я не могу сосредоточиться, — процедила я, отодвигая книгу. — Вчера Айси говорила о Скае. Что происходит на Эраклионе? Какую правду ты скрываешь?

Серые глаза Валтора сузились. Его лицо мгновенно окаменело, а фиолетовое пламя в глубине зрачков опасно вспыхнуло.

— Твоя задача — учить язык, чтобы твоя магия не сожгла твое тело к концу недели, Блум, — его голос прозвучал тихо, но в нем лязгнул металл. — Происходящее за пределами этого замка тебя не касается. Читай.

— Нет! — я резко встала, упираясь ладонями в стол. Рубашка натянулась на груди, привлекая его взгляд, но мне было плевать. — Ты знаешь, что там происходит! Почему ты промолчал, когда она сказала, что это правда? Скай в опасности?

Валтор поднялся следом. Он возвышался надо мной всей своей огромной фигурой, и его темное пламя буквально душило воздух вокруг нас.

— Какого хуя ты позволяешь себе допрашивать меня в моем собственном замке? — прорычал он, и его пальцы со свистом сжали край стола. — Твой принц сам сделал свой выбор, Блум. И его выбор тебе не понравится. Читай чертову строку, или этот урок закончится так, что ты пожалеешь, что вообще научилась говорить.

Я смотрела в его полыхающие гневом глаза, чувствуя, как внутри все сжимается от страха и бессильной злости. Он знал. Он знал что-то ужасное о Скае, и эта правда висела между нами раскаленным углем, готовым сжечь все границы.

* Utinam singulas corporis tui particulas lambere possem... (лат.) — «Если бы я только мог вылизать каждый миллиметр твоего тела...»

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.